

Глава 27

Медвежонок внезапно и без всякого предупреждения заговорил человеческой речью. Цзян Сяои от неожиданности подпрыгнул, кровь бросилась ему в голову, и в мыслях воцарился полный хаос. Его рука непроизвольно разжалась, и нож с глухим стуком упал на кровать.

От этого звука оба вздрогнули.

Цзян Сяои отшатнулся назад, пытаясь отойти от кровати, но, отступив на два шага, он резко метнулся обратно, схватил нож и, отбежав к двери, прижал лезвие к груди. Глядя на Бай Цзыму, он с трудом сглотнул и, под аккомпанемент бешено колотящегося сердца, обеими руками вцепился в рукоять, дрожащим голосом спросив:

— Это... это ты сейчас говорил?

Он заподозрил, что у него слуховые галлюцинации, но увидел, как Бай Цзыму кивнул.

Цзян Сяои побледнел, сердце его чуть не остановилось.

— ...Ты демон?

Бай Цзыму кивнул, потом замотал головой.

Цзян Сяои впился в него взглядом.

— Так да или нет?

— Нет, — демонов сжигают, скажи он правду — и ему конец. Бай Цзыму решил пойти ва-банк и поспешно выпалил: — Я просто медведь, который умеет совершенствоваться! Я не делаю зла, не пью человеческую жизненную силу, я законопослушный, добросовестный, честный и дружелюбный, с широкой душой, оптимистичный и жизнерадостный, активный и целеустремлённый, красивый и элегантный, люблю жизнь и людей!

Цзян Сяои: «...»

Слушая его, Цзян Сяои почувствовал, как у него загорелись уши. Этот медвежонок был просто поразительно бесстыдным.

— Брат, — заискивающе продолжил Бай Цзыму, — давай обо всём договоримся. Может, не будешь меня убивать? Дай медведю шанс на жизнь, а?

Цзян Сяои молчал. Бай Цзыму вытащил из своего пространства мешок риса.

— Я знаю, у вас дома рис кончился. Возьми пока это, не стесняйся. Стесняться — значит меня не уважать.

Глядя на внезапно появившийся из ниоткуда большой мешок, Цзян Сяои вытаращил глаза и не мог прийти в себя.

Его снова охватил ужас.

Видя, что он молчит, Бай Цзыму с жаром принялся «рекламировать» себя, говоря с предельной искренностью:

— Брат, тот безглазый дурак сказал, что я стою всего два лян серебра, но... — он заговорщицки понизил голос, — я тебе скажу, у меня в пространстве есть вещи, которые стоят гораздо больше двух лянов. Если ты меня не убьёшь, я всё тебе отдам. Прошу лишь оставить мне жизнь. У меня дома осталась восьмидесятилетняя сестра, которая никак не может выйти замуж! Если я погибну, как она будет жить? Бедная моя сестрица!

К концу своей речи Бай Цзыму начал рыдать и причитать, словно всё это было правдой. У Цзян Сяои от этого даже веко задергалось.

Восьмидесятилетняя сестра.

Он что, поверит в это?

Этот медвежонок с виду совсем маленький, да и голос у него... нежный и приятный, совсем не старый, как у восемнадцати-девятнадцатилетнего парня. Откуда у него восьмидесятилетняя сестра?

— Что... что это? — спросил он, глядя на мешок.

— Рис! Я же только что сказал, — ответил Бай Цзыму.

Рис???

Сердце Цзян Сяои забилося чаще. Подумав, он всё же не смог устоять перед искушением и, преодолевая страх, подошёл к кровати.

У Бай Цзыму была привычка спать «про запас». Поскольку большие панды любят поесть и поспать, он был таким же и мог не выходить из дома по десять-пятнадцать дней.

Но человек — железо, а еда — сталь; пропустишь один приём пищи — и уже голодный. Сон тоже требует сил. Мастера и старшего брата больше не было, и никто не готовил ему пилюли бигу. Чтобы сэкономить время и побольше поспать, Бай Цзыму завёл привычку запасаться едой.

В секте Цинмин было много учеников, но после падения династии Цин духовная энергия стала истощаться, и условия для совершенствования ухудшились. Поэтому ученики ушли в мир.

Они и так были талантливыми молодыми людьми, к тому же много лет совершенствовались, так что их способности были выше, чем у обычных людей. Помыкавшись несколько лет во внешнем мире, все они стали известными личностями.

Несколько правнуков Бай Цзыму занимали высокое положение, были влиятельны и очень его уважали. Но он считал себя предком и находил неприличным жить за счёт внуков, поэтому снял себе небольшую квартиру.

Однако цены на жильё в городе А были высокими. За три тысячи в месяц можно было снять лишь комнатку в двадцать квадратных метров. Еда на вынос была дорогой, а тратить лишние деньги ему было жалко. Вещей было много, и они занимали место, поэтому часть запасов он хранил в пространственной сумке.

Пространственная сумка была помещена в его тело и содержала всё его нынешнее имущество.

Всё это было куплено на его кровно заработанные деньги. Если бы не угроза жизни, он бы и рисинки не отдал.

Рис был куплен в супермаркете, в тридцатикилограммовом мешке, хорошо запечатанном. На вид ничего особенного. Цзян Сяои, немного успокоившись, уже не так боялся.

— Здесь правда рис?

— Конечно! Я честный человек, кого угодно обману, но не тебя. Ты мне поверь, — лебезил Бай Цзыму, выглядя при этом совершенно безобидно. Цзян Сяои улыбнулся и перестал бояться.

— Но я его не вижу, — спросил он.

«Мешок же не открыт, как ты его увидишь? У тебя что, рентгеновское зрение? Что за глупые вопросы, этот гэ'эр».

Высказав всё про себя, Бай Цзыму с энтузиазмом подсказал:

— Старина, откроешь — и увидишь.

В Великой Чжоу не было ручных сумок. Для переноски вещей использовали либо мешки, либо плетёные корзины.

Цзян Сяои сразу понял, что этот мешок — вещь отличная. Он был ярким, с разноцветными узорами, и рисунок на нём был очень красивым, хоть и немного преувеличенным — колосья риса были усыпаны зёрнами так густо, как он никогда не видел за все свои годы работы в поле.

Цзян Сяои даже боялся до него дотронуться. Он осмотрел мешок со всех сторон, но так и не нашёл, где его открыть.

— Как его открыть? — с нетерпением спросил он.

Бай Цзыму указал лапой:

— ...Вот здесь верёвку разрежь, а потом потяни.

Цзян Сяои так и сделал. Когда мешок открылся, у него перехватило дыхание.

Белый-белый рис. Ни одной шелушинки.

В Великой Чжоу не было рисорушек, рис обрушивали вручную, и делали это не очень чисто. На некоторых зёрнах оставалась шелуха.

Но рис в этом мешке был кристально чистым, каждое зёрнышко как на подбор. Он отличался даже от самого дорогого риса, который он видел в лавках.

Сначала он подумал, что это кукуруза! Оказалось, рис?

Столько риса, сколько же это стоит?

Дыхание Цзян Сяои стало затруднённым, а его взгляд, устремлённый на Бай Цзыму, засиял.

— Это всё мне?

— Угу! — Бай Цзыму заискивающе улыбнулся, потянул Цзян Сяои, усадил его и принялся усердно массировать ему плечи, раболепно приговаривая: — Старина, только пощади меня, я тебе не только рис, но и пряные полоски дам.

Цзян Сяои улыбнулся до ушей. Массаж Бай Цзыму был очень приятным.

— Пряные полоски — это что?

— Подожди, — Бай Цзыму достал пачку пряных полосок и научил Цзян Сяои, как её открывать.

Пряные полоски были красными, ароматными, острыми и немного сладкими — невероятно вкусными.

Никто не может устоять перед пряными полосками.

Цзян Сяои никогда не ел ничего вкуснее. Сначала, увидев, что они немного жирные, он подумал, что попробует один кусочек, а остальное оставит для готовки. Но стоило ему откусить, как вкус оказался настолько хорош, что он, сам того не заметив, съел целый ломтик. Опомнившись, он поспешно закрыл пакет, спрятал его за пазуху и крепко прижал.

— Вкусно? — спросил Бай Цзыму.

— Вкусно, — облизнув губы, ответил тот. — А рис у тебя ещё есть?

Бай Цзыму кивнул.

— Есть.

— Тогда...

— Но я не могу его достать, — виновато сказал Бай Цзыму.

Цзян Сяои моргнул.

— В смысле?

Бай Цзыму постеснялся объяснить.

Когда он уходил в уединение, старший брат-ученик всегда готовил ему пилюли бигу, но он всё равно тайком проносил с собой бамбуковые побеги. Когда мастер узнал об этом, он долго умолял и строил милые глазки. Мастер хоть и не лишил его лакомств, но наложил на пространственную сумку запрет и подвеску в тысячу цзиней.

Пространственную сумку можно было открывать только дважды в день, и каждый раз можно было достать только две вещи. Раньше, когда он был ранен, сумку вообще нельзя было открыть. Только в последние дни, когда он немного окреп, ему кое-как удавалось её открывать.

Из-за ограничений на извлечение предметов из сумки, он со временем научился складывать вещи в основном ящиками. В розницу было всего несколько наименований, и эти пряные полоски были одними из них.

Ему было немного жаль их отдавать. Если пространственная сумка опустеет, что он будет есть? Вещей в сумке было не так уж много, и когда они закончатся, новых не будет. Здесь не было его богатых и влиятельных правнуков. Чтобы не умереть с голоду, когда он сбежит, нужно было что-то оставить.

Сейчас, чтобы подкупить Цзян Сяои и отблагодарить его за то, что тот подобрал его в горах, Бай Цзыму решил разделить содержимое сумки пополам.

Не то чтобы у него были мазохистские наклонности — Цзян Сяои только что собирался его зарезать, а он проявляет такую щедрость. Но долг есть долг, а обида есть обида.

Всё-таки это было древнее время, горы кишели волками и тиграми, не так безопасно, как в современном мире. Если бы Цзян Сяои не подобрал его тогда, он бы уже, наверное, выпил несколько чаш супа Мэн-по.

Мастер говорил: в совершенствовании важна карма. И за добро, и за зло нужно платить.

Цзян Сяои, обрадованный, потащил мешок с рисом на кухню.

Он высыпал рис в кадку, и та мгновенно наполнилась. Пустой мешок Цзян Сяои спрятал. Такое нельзя было показывать домашним, иначе не объяснишь.

Он стоял перед кадкой, глядя на белый рис, и всё ещё не мог поверить в реальность происходящего. Голова кружилась, словно во сне. Покалывание в левой руке вернуло его к действительности. Цзян Сяои поднял руку и увидел, что указательный палец, который он случайно порезал, когда резал овощи, снова кровоточит. Он приложил к ране немного паутины, кое-как остановив кровь, но, видимо, снова задел рану.

Бай Цзыму как раз собирался вздохнуть с облегчением, когда Цзян Сяои снова вбежал с ножом.

Чёрт, опять???

Хочет поторговаться или передумал?

Ведь только что договорились: он берёт его вещи и оставляет ему жизнь.

Бай Цзыму разозлился и остался стоять на месте.

Цзян Сяои подошёл к нему с очень дружелюбной улыбкой. Он снял с его пояса тряпку, которой Бай Цзыму прикрывал свой зад, отрезал ножом кусок, а затем оторвал полоску.

Эту тряпку Бай Цзыму, узнав, что его задница осталась без шерсти, настоятельно потребовал у Цзян Сяои. Он всё-таки был цивилизованным человеком, как можно ходить с голым задом? Его предки, когда у них не было штанов, хотя бы прикрывались двумя листьями!

К тому же, Цзян Сяои был гэ'эром, и разгуливать перед ним с голым задом было как-то неприлично.

Во дворе дома Цзян не было колодца, воду для питья носили с гумна. Цзян Сяои был занят и мыл Бай Цзыму раз в три дня. Сначала Бай Цзыму не знал, что шерсть на его заднице была сбрита. Потом, после того как Цзян Сяои его отшлёпал, задница горела, и он, не выдержав, потёр её пару раз и обнаружил, что шерсти нет.

Бай Цзыму стеснялся ходить с голым задом перед Цзян Сяои. Когда Цзян Сяои возвращался, он садился, поджав ноги. Но шерсти на нём было много, и если сидеть, скрестив ноги, постоянно потеешь. Через несколько дней на внутренней стороне бёдер у него чуть не появилась потница. Он намекал Цзян Сяои, чтобы тот мыл его почаще, но Цзян Сяои не хотел. Делать было нечего, и он попросил у Цзян Сяои кусок ткани, чтобы повязать на пояс.

Цзян Сяои, видя его испуг, чуть не умер со смеху. Он оторвал полоску ткани и перевязал свой указательный палец.

Только теперь Бай Цзыму заметил порез на его пальце. Так значит... он зря отдал рис.

Цзян Сяои и не думал его резать. Когда он только принёс его домой, без всяких чувств, он бы смог это сделать. Но теперь, когда они почти месяц спали в одной кровати, а медвежонок был таким милым, как он мог поднять на него руку?

Дров хоть и не хватало, но кукуруза, собранная в этот раз, ещё не продана. Раньше, высушив, Цзян Сяои сразу вёз её в город. Но в прошлом месяце староста пришёл и сказал отцу Цзяну, что слышал, будто налоги могут измениться.

Раньше на границе шла война, и двор, естественно, собирал больше зерна. Но несколько лет назад варвары были разбиты, и на границе воцарился мир. Половину собранных солдат отпустили. А несколько месяцев назад распустили всех «ополченцев». Значит, на границе теперь совсем спокойно. Раз нет войны, то и провианта для армии нужно меньше, а значит, и налоги могут измениться.

Правда это или нет, было неизвестно. Цзян Сяои подумал и решил подождать, пока сборщики налогов соберут свою долю, а остальное уже везти на продажу.

Вчера он точил нож, думая, что в ближайшие дни нарубит побольше дров, а отец пойдёт на заработки и принесёт хоть сто вэней.

Так что медвежонка продавать не придётся. Если его продать, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань наверняка поднимут шум.

Цзян Сяои, сдерживая смех, погладил Бай Цзыму по голове и вкрадчиво спросил:

— Я сейчас буду готовить, ты будешь есть?

Бай Цзыму почувствовал, что его обманули. Он отвернулся, подставив ему свой зад, и замолчал.

Цзян Сяои не обиделся, а с улыбкой сел позади него и ткнул его пальцем.

— Будешь есть? Говори.

— Не буду, — надулся Бай Цзыму.

— А яичный заварной крем? — снова спросил Цзян Сяои.

— Не буду.

— А бамбуковые побеги?

— Не... — Бай Цзыму был человеком гибким и вовремя исправился: — Это буду.

Если он не будет есть, откуда у него возьмутся силы для совершенствования?

Цзян Сяои снова рассмеялся. У него было много вопросов, но уже вечерело, овощи ещё не собраны, ужин не готов. Пришлось сначала заняться делами.

...

Придя на огород, Бай Цзыму был озадачен.

Этот гэ'эр, даже за овощами его с собой потащил. Что это значит? Боится, что он сбежит?

Если так, то это ещё полбеды. Хуже, если... он не может без него.

Если всё так, как он думает, то что же делать?

Почему его мать была такой неосмотрительной! Родила бы его обычным, и всё. Зачем нужно было рожать его таким красивым? Теперь вот, навлѣк на себя беду.

Бай Цзыму ощутил лёгкую грусть.

Огород был разделѣн Цзян Сяои на несколько участков, на которых росло много разных овощей: не только сельдерей, капуста и лук-порей, но и горох со люфой. Некоторые, видимо, были посажены недавно и только-только проклюнулись. Кинза продавалась плохо, обычно её использовали как приправу, поэтому Цзян Сяои посадил её совсем немного, на маленьком участке.

Видно было, что он трудолюбивый — на огороде не было ни одного сорняка. Только в канавке лежало несколько камней, непонятно для чего, и это выглядело очень странно. Бай Цзыму осмотрелся по сторонам и, присев рядом с Цзян Сяои, начал помогать ему дѣргать овощи.

Цзян Сяои улыбнулся и, вдруг что-то вспомнив, спросил:

— У тебя есть имя?

«Раз уж узнал, что он может говорить, то сразу начал допрос с пристрастием?»

Бай Цзыму сжал губы.

— Есть.

— Как зовут? — «У демонов тоже есть имена?» — Цзян Сяои с любопытством посмотрел на него.

— Красавчик, — серьёзно ответил Бай Цзыму.

Цзян Сяои: «...»

— Я серьёзно спрашиваю! — шлёпнул он его.

— Бай Цзыму, — на этот раз он ответил честно.

Это имя совсем не походило на деревенское. Деревенские мужчины были в основном неграмотными, и имена давали либо по порядку, либо что-то вроде «Большой Бык», «Маленький Бык», «Большой Тигр», «Маленький Тигр». В общем, в деревне был целый

зоопарк.

На молодой капусте было много гусениц и улиток. Цзян Сяои, сорвав один кочан, увидел на обратной стороне листа четырёх улиток. Он сбросил их на землю и раздавил камнем.

Бедные улитки не успели даже оставить завещания, как в одно мгновение превратились в месиво.

— Это тебе семья дала? — спросил он.

Бай Цзыму с трудом сглотнул. Он заподозрил, что Цзян Сяои намекает ему, и, отведя взгляд, окончательно смирился.

— Да, мой мастер дал.

— Мастер? — Цзян Сяои замер от удивления. — У тебя есть мастер? Он тоже на горе Хуцю?

Именно на горе Хуцю он и подобрал Бай Цзыму.

Видя, что Бай Цзыму качает головой, он с подозрением спросил:

— Не на горе? А где?

— В мешке, — грустно ответил Бай Цзыму.

— А? — Цзян Сяои задумался. — Мешок — это тот, из которого рис достают?

Раз Бай Цзыму — дух медведя, то и его мастер, наверное, тоже медведь. В мешке... его что, поймали?

— Мой мастер умер. Его похоронили на горе, остался только холмик, — сказал Бай Цзыму.

Только что он хотел утешить медведя, но, услышав это, у Цзян Сяои дёрнулось веко, и рука зачесалась. Но он только что взял у него рис и, сдержавшись, сменил тему:

— Я спросил тебя, будешь ли ты ужинать, ты сказал нет. А овощи будешь? Эта молодая капуста очень нежная, если сварить, будет вкусно. Если будешь, мы соберём побольше.

Хотя он набрал уже половину корзины, но капуста при варке сильно уменьшается в объёме. Из целой кучи получается меньше половины миски.

Бай Цзыму искоса взглянул на него и хмыкнул.

— Ты видел, чтобы медведи ели овощи? Медведь должен быть медведем.

Цзян Сяои: «...»

Вроде бы всё логично.

<http://bllate.org/book/13701/1586971>